

**Константин
ГНЕТНЕВ**
г. Петрозаводск

НЕ УНЫВАЙ!

*Повествование о моей матери,
Александре Дмитриевне Гнетневой,
в девичестве Марютиной,
донской казачке*

Пускай верность
и усердие их (казачек),
а наша за то к ним признательность,
взаимное уважение и любовь
послужат в позднейшем потомстве правилом
для поведения жён донских.
Из приказа атамана Платова, 1816 год.

Плакать не смею, тужить не велят.
Старинная казачья поговорка

Здесь много непохожего на наш карельский север. Ровное пространство степи, прямая как стрела дорога рассекает надвое поселение из приземистых квадратных домов. Дома из дерева и кирпича, но строены одинаково, в один этаж, с весёленькими ставенками у небольших окон и огороженные дворами-базами. У калиток непрременные скамьи. Днём тут никого – работа и жарко, а вечером долгие соседские разговоры, без которых никак.

За околицей кладбище, заросшее жёстким, будто стальная проволока, кустарником. Иные

могилки заросли наглухо – не подойти, возле других чувствуешь пригляд: убрано, расчищено, весёленькие цветки по краям. Вот табличка с портретом молодого мужчины в фуражке и пожилой женщины, будто матери. «Сергеевы. Андрей Михайлович 1880–1917. Прасковья Евстигнеевна 1882–1971». Оказывается, муж и жена. Он погиб в 37 лет, она прожила до 88. Для людей, родившихся здесь на переломе века, судьба самая обыкновенная.

Сразу за кладбищем несколько сотен метров степи, до звона вытопанной скотом, и об-

рыв к реке Бузулук. Здесь река делает крутой поворот. Недалёкий противоположный берег густо зарос кустарником. Вообще всё здесь растёт буйно, свободно, широко. Это не Север, где всё живое, едва проклюнувшись на белый свет, норовит спрятаться, а если спрятаться невозможно, так хоть съёжиться от студёных ветров и морозов.

Здесь Юг, в прошлом хутор Рожновский станицы Филоновской Филоновского юрта Хопёрского округа Области Войска Донского, – донская казачья вольница.

Сегодня вольницей не пахнет. Административно теперь это хутор Рожновский Новоаннинского района Волгоградской области. Родина ка-

заков Марютиных, моих дедов. На этом хуторе родилась и прожила первые девять лет моя мама Александра Дмитриевна, в девичестве Марютина. Раньше при регистрации в Троицкой церкви Филоновской станицы таких записывали просто: «казачья дочь».

Мы проделали больше двух тысяч километров, чтобы подышать здешним воздухом, посмотреть на степь, на берега Бузулука, встретиться и поговорить с людьми. Давно хотелось мысленно представить трагическое и кровавое – особенно в этих краях – начало страшного XX века, – жизнь, которую видела и ощущала на себе ребёнком наша мама. Сама она никогда не говорила нам о ней.

1

Хутор Рожновский, в обиходе Рожновка, даже по местным районным масштабам небольшой. Из старых справочников можно узнать, что к завершению XIX века (1897 год) здесь было 53 двора и 334 жителя. По статусу они различались так: из 177 мужчин 157 принадлежали войсковому сословию, из 157 женщин к войсковому сословию принадлежали 146. Иными словами, жили здесь служивые люди, казаки, вооружённые, обученные войне и готовые в любой момент собраться в сотни и выступить, куда будет приказано.

Здешние казаки традиционно проходили службу в составе 13-го Донского казачьего Генерал-фельдмаршала Кутузова-Смоленского полка. Место расквартирования город Замостье Люблинской губернии. Это территория нынешней Польши. В современной армии такие воинские подразделения называются частями постоянной боевой готовности.

В Рожновке в ту пору насчитывали только 20 крестьян, да с ними 11 крестьянок. К слову сказать, казаки тоже занимались хозяйством и умели это делать превосходно, иначе семьёй не проживёшь. По царскому указу их щедро наделяли землёй. Но называть казака крестьянином означало оскорбить. Равно как оскорблением они почитали слово «мужик».

За два года до Октябрьского переворота, к 1915 году, вероятно, в столичной петербургской замятне 1905 года и на фронтах Первой империалистической хутор потерял три двора, 27 казаков и 18 казачек.

Сегодня в Рожновском дворов едва ли больше. Делать тут нечего, работы нет. Когда в 90-х приватизировали последний колхоз «Победа», а было таких колхозов за неполный век советской власти, по подсчётам старожилков, с полдесятка, землю поделили на паи. И теперь бывшие кол-

хозники, а теперь официально – собственники земельных наделов, передали паи бизнесменам в АО «Дельта-Раздолье» и живут с аренды. Аренду им платят натурой – зерном и прочей продукцией сельскохозяйственного производства. Спрашиваю Галину Пронину: хватает?

– Куда там, – машет она рукой. – Сам не будешь шевелиться, по миру пойдёшь...

Галина Геннадьевна Пронина, пожалуй, единственный официальный человек в современной Рожновке. Она завклубом, живёт здесь 28 лет, хотя сама из хутора Соломатина. И, разумеется, всё и обо всех знает. Перед поездкой я зашёл к главе районной администрации в городе Новоаннинском Николаю Семёновичу Моисееву. Глава был в отпуске, но на часок вышел, чтобы поприветствовать слёт учителей и посмотреть у секретаря почту. Меня принял сразу.

– Дело святое, – согласился Николай Семёнович с моим намерением посмотреть отчину мамы. – Сейчас позвоню девушкам в наш архив, может, у них чего есть, потом поезжайте в Филоновскую, там управляющий Соломатин распорядится. Я его предупрежу.

В районном архиве ничего интересного о семье матери не оказалось, а в кабинете Соломатина в станице Филоновской сидел угрюмый проверяющий и мрачно листал бумаги. Соломатин вышел со мной в коридор и заговорщицким голосом объяснил ситуацию:

– Сам бы поехал, да видите, – он кивнул на дверь, – не могу. Позвонил в Рожновскую, там Галина Геннадьевна вас ждёт, поезжайте.

Спрашиваю завклубом, что-то казаков не видать ни в ближайшей станице Филоновской, ни в райцентре. В районном краеведческом музее хотел настоящую старую казачью шашку в руках подержать,

говорят, нету, какой-то сувенирный муляж висит. Ни магазина нет, ни даже отдела с казацкой справой.

– Какие теперь казаки? – говорит она и смотрит удивлённо. – Где? Вот приехали бы три года назад, свела бы с одним. Жил у нас на хуторе, за 90 ему было. Вот то был казак, да...

Казак – это не лампасы и кубанка. Казак – это характер, это особое отношение к себе, к товарищам, к своему предназначению на земле. Большевики очень постарались, чтобы с корнем вытравить казацкое начало в народе. Уж очень они его боялись. И, как видим, немало преуспели в своём гнусном деле.

Чтобы поговорить о прошлом Рожновки, Галина Геннадьевна пригласила старейшую жительницу Евдокию Георгиевну Мельникову, в девичестве Поцелуеву, 1934 года рождения. Худенькая, в платке по самые глаза, она приготовилась к разговору и даже прихватила бутылочку минеральной воды. Мы сели на лавочку в тени невысокого забора у главной дороги, и я спросил про Марютиных.

– Как же, знаю, – ответила она сразу. – Вот тут, на углу, был их дом. По-уличному их называли Трояны. Почему Трояны? А кто теперь знает? Дом большой, жили богато. Когда выслали, в их доме клуб организовали.

И чтобы сразу исключить возможные недомолвки, добавила:

– Может, и мой отец твоего деда кулачил. Он хоть из богатого дома, а бедняком жил, а бедняков разве спрашивали? Сказали иди, и пошёл...

Что тут скажешь? Любой власти с бедняками удобно. Можно поманить светлым будущим, обмануть, напугать. Бедняк не защищён ничем – ни знанием, ни умением, ни собственностью, и считаться с ним необязательно.

Гражданская война, высылка и сплошная коллективизация с колхозами – все трагические для хутора и страны события произошли за несколько лет до того, как Евдокия Георгиевна родилась, поэтому моя собеседница, конечно, не свидетель. Но её отец родился в 1900 году, мама в 1901-м, они прожили на хуторе всю жизнь, и потому лучше неё живую историю никто здесь не знает. Пусть даже и с родительских слов.

– Основной-то хутор раньше не тут был, а по берегу Бузулука, – вспоминает Евдокия Георгиевна. – Бе-е-едно жили, не дома ставили, а плетнюшки-землянюшки. Каждую весну, бывало, Бузулук дома зальёт, поэтому после 40-го года стали строиться здесь, повыше.

...Вот ты за богатых спрашиваешь. Да, были богатые. У нас четыре двора раскулачили: Марютиных, Генераловых, деда Николая и деда Канаева.

У них хозяйство, скот, лошади, сеялки, к ним уже с семи-восьми лет бегали наниматься на работу, гусей пасти и ещё что-нибудь делать. К Николаевым (деда Николая) бегали охотно, там хорошо кормили, прям до отвала, к Канаевым не любили, жадные, кормили работников плохо.

Раньше-то, давно, мои деды тоже были богатые. Четыре сына – как тут не быть богатым? На сына давали десятину земли, гектар по-нынешнему. На девок ничего не давали. А что твой дед, если у него три девки? Ясно, вместе жили, отцово хозяйство, братья, зятья. Свои пропасть не дадут. Он у белых служил. Мать сказывала: высокий, стройный, в хромовых сапогах, офицер белогвардейского корпуса – богатый, хороший жених был... От Марютиных на кладбище только одна могилка осталась, тётки Стеньки, заросла совсем, никто за ней не ухаживает...

Когда стали кулачить, маме было 30 лет, она рассказывала, что мой дед Мирон из своего хозяйства всё поотдал и сшил себе знатный полушубок – красивый, с белой оторочкой и всё такое. Который кулачил, Щетинник, он потом сдох, пристал:

– Мирон Филиппович, сними полушубок.

Дед говорит:

– Нет, я в полушубке поеду на высылку и там помру.

– Сыми...

Деда угнали. Но где-то там, у начальства, признали, что дед высылке не подлежит, и вернули. Считали там кулаков и ещё каких-то среднемочных середняков, что ли. Так Щетинник всё равно его выслали. Я говорила матери:

– Что же вы деда-то не уговорили?

– Да говорили: «Отдай! Будь он проклят с полушубком этим! Нехай ходить в этом полушубке!»

Не отдал. Там и помер, в Коми где-то...

А как голодали-то! Мать рассказывала, дед Соваха пришёл как-то и говорит: у Дубилиных сноха от голода померла, все руки себе погрызла, есть просила, а дать нечего...

Вокруг хутора Рожновского урожай недавно убрали. Чистые поля кругом – ни трактора, ни автомобиля, ни лошади: простор – сколько глазу хватит. И редкая машина пройдёт теперь по здешней отличной дороге. А дорога знатная. В райцентре Новоаннинском она сворачивает с федеральной трассы Москва – Астрахань М-6 «Каспий» направлением на Елань и проходит прямо по центру Рожновского. Да и на хуторе теперь тишина, только гуси бродят возле домов, изредка гогоча над очередной находкой в луже.

Это понятно. На дворе осень, октябрь. Осенью 1931 года моего деда с дочерьми здесь уже не было (по другим данным, семью Марютиных выслали го-

дом раньше). В их большом доме, ставшем хуторским клубом, гремели грозные речи о победе над очередным врагом советской власти, кулаком, и звучали задорные частушки:

*Провались земля и небо,
мы на кочке проживём.
Бога нет, царя не надо –
и без них не пропадём.*

*А мы с миленьким расстались
в это воскресенье –
меня приняли в колхоз,
его на выселение...*

Ещё вчера в хуторе жили и другие, соседи, которые тоже пели частушки. Правда, не такие бодрые:

*Хорошо тому живётся,
кто записан в бедноту,
хлеб на печку подаётся,
как ленивому коту...*

*Встань-ка, Ленин, подывисся,
як колхозы нажылился:
брычка раком, горба боком,
ще кобыла с одним оком...*

Но теперь на хуторе не было и их. Они обустроились в землянках или, если уж очень повезёт, в глухих, наскоро сколоченных посёлках из сырого леса вдоль больших северных рек. Правда, если до этих посёлков им удавалось добраться. По данным Главного управления лагерей (ГУЛАГа) ОГПУ СССР, из 381 062 семей (1 млн 803 тыс. 392 человека), отправленных на спецпоселение в 1930–1931 годах, до места не доехали около 90 тысяч человек. Погибли в пути.

– После 30-го года всё закончилось – и стрельба, и высылка, – продолжает неторопливый рассказ Евдокия Георгиевна. – Казаки тоже кончились. Не стало никаких казаков. Имущество, какое у кого было, посдавали в колхоз и стали жить в колхозе. Первый колхоз был «Политотделец», потом «Куйбышев», за ним «Шолохов» и «Победа». В 1993 году мы в «Победе» работали, когда стали землю на паи делить. Кружили нам голову на собраниях, кружили; кто продавал свои паи, кто не продавал. Я не продавала. У меня земельный надел 15 гектар: 12 га пашни и 3 га под сенокосами. Все они в аренде у «Раздолья». Мне дают за них 2 тонны 700 килограммов зерна, 20 литров масла и 4 тонны сена. И всё пускаю скоту, без которого никак нельзя, ещё и поку-

пать приходится. Сдаю молоко по 15 рублей за литр. Жить можно, но тяжело...

Спрашиваю, сколько жителей нынче в Рожновском, много ли пенсионеров, есть ли работа? Галина Геннадьевна Пронина рассказывает про недавние выборы и уточнённые списки избирателей:

– 141 человек у нас, из них 61 получает пенсию. А работников нетрудно посчитать: двое в клубе, двое в магазине, двое в медпункте, есть ещё водители. Человек не более 15 наберётся. Пенсия самая маленькая 7200 рублей, но в среднем получают 7-9 тысяч, редко у кого выйдет больше...

Вот такая она сегодня, малая родина моей матери. Говорят, чтобы узнать вкус воды, необязательно выпить океан. Чтобы уяснить последствия «великого перелома» для судеб российского крестьянства и страны в целом, достаточно взглянуть на крошечный хутор Рожновский. Где же оно, обещанное изобилие и счастье? И было ли оно хоть когда-нибудь за все 85 лет существования хутора после победы коллективного над индивидуальным? Названия колхозов – да, изменились, а жизнь людская?

Сегодня можно встретить суждения некоторых теоретиков, называющих катастрофу 20-х и 30-х годов гениальным предвидением Сталина. Утверждают, что с помощью насильственной коллективизации вождь сконцентрировал ресурсы для последующей индустриализации страны, для промышленного рывка, поставившего СССР в ряд ведущих стран мира. И сделано это не со зла, но во благо будущего государства.

Мол, по гениальному предвидению Сталина, крестьянская деревня с её патриархальным укладом и миллионы сильных, предприимчивых людей, насильственно, как скот, переселенные в районы Крайнего Севера для освоения природных ресурсов, по-деревенски говоря, «унавозили» почву для победы над гитлеризмом в великой войне. Якобы без этих крайних мер крестьянин не отдал бы хлеб, тогда как город голодал, предприятия не получили бы миллионы кубометров первосортной древесины. В результате экономика не смогла бы выдержать чрезвычайной мобилизационной нагрузки в Великой Отечественной войне. И добавляют: не забывайте, ведь против СССР работала экономика всей Европы.

Сегодня объяснить можно многое. Я не верю в гениальное предвидение Сталина, который даже утром 22 июня 1941 года не верил, что началась война. Россия всегда стояла на земле, на землях, на деревне. Поэтому и разрушать Россию начали именно с деревни. И добивают её поныне.

В городе Новоаннинском познакомился с Галиной Фёдоровной Широковой. В прошлом школьный учитель, она увлеклась историей, краеведением, и теперь едва ли найдёшь человека, который лучше знает, что и как происходило в районе во время Гражданской войны и коллективизации. Каждому из этих периодов она отдала годы работы в архивах, у неё за спиной десятки встреч с непосредственными участниками и свидетелями, которых ей удалось застать. Каждому из этих общественных потрясений она посвятила по отдельной книге.

– Марютины? Да, встречается в истории района эта фамилия. Как же, помню, – говорит Галина Фёдоровна.

– Дед у белых служил? А чему тут удивляться, если почти все мужчины на территории современного Новоаннинского района воевали за белых. Это же казаки были...

Краевед Широкова не подтвердила сказанное моей собеседницей в Рожновке, Евдокией Георгиевной Мельниковой (Поцелуевой), что в 30-м году «всё закончилось – и стрельба, и высылка». Гражданская война в этих краях фактически закончилась в декабре 1922 года, а высылка только к лету 1934 года.

– Трудно сказать теперь, что оказалось страшнее для людей – Гражданская война или коллективизация и раскулачивание. И то, и другое вылилось в тысячи напрасных жертв и страшное, ничем не оправданное разорение народного хозяйства. Иногда думаешь, что мы до сих пор переживаем последствия тех трагических событий...

Согласен с Галиной Фёдоровной. В общественной памяти подобные катастрофы зарубцовываются поколениями. Вслед за могилкой тётки Стеньки Марютиной на рожновском кладбище успеет зарости и моя, в Карелии, и моих детей, и, может быть, только внуков или детей внуков перестанет томить память о берегах неведомого Бузулука, о степях, поросших жёсткой травой, и здешнем бескрайнем небе. А у пацанов, выросших на Севере, перестанет отрастать чуб на левую сторону, странный и непонятный для них, ничего не знающих о казацкой крови, как когда-то был странен и непонятен для меня, подростка и молодого мужчины. Хотя, признаюсь, мысль о будущем забвении мне не нравится. И я работаю только для того, чтобы забвение это осуществилось как можно позднее.

Историк Широкова в Новоаннинске подарила мне свои книги. С их помощью хочу рассказать, что происходило в Рожновке и вокруг неё в то время, когда в доме своих родителей жил мой будущий дед, Дмитрий Иванович Марютин, и – ребёнком – моя

мама с младшими сёстрами Таисией и Анной. То есть с 1922 по 1931 год.

К декабрю 1922 года основные регулярные части донских казаков ушли в Турцию и Болгарию, обустроившись там, испытывая громадные трудности. Оставшиеся разрозненные отряды казаков большевистские власти называли вначале партизанскими отрядами, а потом и просто бандами. В «бандах» и различных отрядах красноармейцев, милиции, самообороны и прочих нерегулярных частях красных зачастую сражались братья, хуторские и станичные соседи. Вооружённая борьба приобрела не классовое, но личностное противостояние. На этом, к сожалению, всегда стоят войны, которые принято называть гражданскими. Именно поэтому они приобретают особенно жестокий и кровавый характер.

Показателен пример 27-летнего есаула В.М.Чернецова. На собрании офицеров в Новочеркасске он обратился к колеблющимся белогвардейским офицерам со словами: «Я пойду драться с большевиками, и если меня убьют или повесят «товарищи», я буду знать, за что; но за что они вздернут вас, когда придут?»

Маленький партизанский отряд В.М.Чернецова составили преимущественно ученики средних учебных заведений: кадеты, гимназисты, реалисты и семинаристы. Говоря о составе отряда, участник тех событий с известной долей патетики отмечал:

«...я не ошибусь, наметив в юных соратниках Чернецова три общие черты: абсолютное отсутствие политики, великая жажда подвига и очень развитое сознание, что они, еще вчера сидевшие на школьной скамье, сегодня встали на защиту своих внезапно ставших беспомощными старших братьев, отцов и учителей. И сколько слез, просьб и угроз приходилось преодолевать партизанам в своих семьях, прежде чем выйти на влекущий их путь подвига под окнами родного дома!»

Коварной засадой и уничтожением последних двух белых отрядов «повстанцев» – под командованием атамана полковника Моторыгина на хуторе Долговском и Петра Ларина на хуторе Гоголичев Гражданская война в Новоаннинском районе фактически завершилась.

Хотя не завершилась, конечно. Просто приобрела другой характер.

«Богу и судьбе было угодно так, чтобы жизнь наша была настигнута великою русскою смутою, имя которой «революция», «Гражданская война» и «коммунизм», – писал русский философ Иван Ильин. – Не мы хотели революции; не мы начали Гражданскую войну; не мы губили Россию коммунизмом».

И добавлял:

«Белое движение спасло честь России: если бы его не было, то можно было бы стыдиться называть себя русским...»

К началу массовой коллективизации 1 октября 1928 года край подошел без дворянства, духовенства, купечества и офицерства, веками почётного в этих местах. Само слово «казак» оказалось под негласным запретом. Сотни казаков, вернувшихся с войны в родные станицы и хутора, прошли «филтрацию» в НКВД. Большую их часть отправили в лагерь. Оставшиеся обнаружили в родных хуторах и станицах страшное разорение и тотальный голод. Не только сеять было нечем, но и детей кормить.

Выяснилось, что в управлении и хозяйствовании новая большевистская власть беспомощна и помочь ничем не могла. Зато машина репрессий, получившая ход в 1918 году, набрала настоящую силу. Разруху и беспомощность нужно было чем-то объяснить. И объяснение тут же нашлось: враги...

Срыв хлебозаготовки 1927–1928 годов свалили на Хопёрскую контрреволюционную повстанческую организацию. Чекисты арестовали 440 заговорщиков, которые при помощи 14 обрезов, 2 револьверов и 8 шашек взрывчатки намеревались свергнуть советскую власть в крае и стране. 10 человек расстреляли, остальных отправили в лагерь на 5-10 лет с последующей ссылкой в Северный край.

Заговорщиков не стало, но положение с хлебом не улучшилось. Наступило время приниматься за других...

В декабре 1929 года первый съезд колхозников района принял схему-шаблон, по которому определяли врагов, которых предстояло репрессировать за собственные неудачи на «хозяйственном фронте». По шаблону выходило, что жить в родном доме имели право исключительно бедняки – ни в чём не участвовавшие, безынициативные, ничего не умеющие и не имеющие за душой. Поскольку жить им было не на что, предполагалось, что всё необходимое они на законных теперь основаниях отнимут у тех, кто хоть что-то нажил, то есть у более-менее состоятельных соседей. Шаблон утвердили в качестве постановления Совета народных комиссаров от 21 мая 1929 года «О признаках кулацких хозяйств» и распространили на всю Россию в качестве обязательного к применению.

Первая волна раскулачивания прокатилась по Новоаннинскому району в первой половине 1929 года. Кулаков сотнями отправляли в Коношеский район Архангельской области.

Как и в недавней борьбе с «партизанами» и «бандитами», в войне с крестьянством появился опреде-

лённый опыт. Кулаков стали делить по категориям. Для удобства последующего обирания. Категории такие: «главы кулацких семейств», «крепкие», «зажиточные», «средняки», «единоличники».

Явилась интересная мысль не только реквизировать перед высылкой жилые дома, хозпостройки и имущество, но вначале выкачивать возможно имеющуюся в доме денежную наличность. Для этого на места, в местные советы спустили право произвольно назначать налоги. Такие налоги называли «кратками». Их устанавливали после уплаты основного, так сказать, «законного» налога, но увеличенным кратно. Во сколько крат его увеличивали, решали сами и так, как хотели. Вот, к примеру, кулак Николай Илларионович Харитонов, имеющий семью из семи едоков. У него, разумеется, отобрали всё имущество и выслали. Но перед этим он обязан был заплатить: единый сельхозналог 295 р. 95 коп., госпошлину 32 р. 75 коп., самообложение 418 р. 95 коп., местный налог на лишенцев (лишенец – человек, лишенный гражданских прав) 187 р. 92 коп. Всего 1019 р. 57 коп.

Много это или мало? Неподъёмно много! Сумма неуплаченных Харитоновым налогов более чем в два раза превышала стоимость его дома из трёх комнат. Платить Харитонову оказалось нечем, и это усугубило его судьбу. Теперь он объявлялся не только кулаком-мироедом, но ещё и злостным неплательщиком налогов...

Вторая волна раскулачивания обрушилась на район в ноябре того же 1929 года. Итоги летней работы на полях привели власти в уныние и даже панику: хлеба в лучшем случае хватит до нового года, колхозный скот обречён на голодную зимовку, весной сеять будет нечем, семян нет, и колхозникам за работу дать тоже нечего... И снова беспрерывно заседают активисты хуторских и станичных советов, выискивают «социально опасных» и составляют списки присвоенного чужого имущества и кандидатов на высылку.

Третья волна репрессий началась в канун весеннего сева 1930 года. Выяснилось очевидное: большая часть колхозников работать не может, да и не желает. Отобранной у кулаков техникой и даже той малостью семенного материала, что оказался в закромах, распорядиться по-хозяйски не могут. Техника ломается и простаивает, семена бросают в «ледяную, промёрзшую грязь...». Власть один за другим принимает отчаянные постановления – «О вредительстве при проведении сверххранного сева...», «О привлечении коров к весенне-полевым работам...»

Ни коровы, ни постановления не помогли. В Новоаннинском районе начался страшный голод. Хуторяне вспоминали: «Собирали перекати-поле, толкли

сухую траву и делали из неё лепёшки. Весной ловили сусликов, ставили силки на воробьёв и другую птицу – всё съедали...»

Решение хозяйственных проблем большевики нашли в привычном ключе. В район прибыл отряд красноармейцев под командованием особоуполномоченного ОГПУ Курдакова. Задача прежняя – «обеспечить дальнейшую ликвидацию кулаков». Кулаки во всём виноваты! Ночами с хуторов и станиц сотнями свозили кулацкие семьи в специально подготовленные «точки» – Покровскую церковь и кинотеатр «Юнг-штурм». На железнодорожной станции Филоново и на разъезде Солонново формировали из товарных вагонов эшелоны. Очевидец вспоминал:

«Красноармейцы конвоировали из церкви большие группы мужчин, женщин и детей, подгоняя отстающих прикладами. Женщины держали в руках младенцев и бросали по дороге узлы с вещами...»

Эшелоны с раскулаченными третьей волны шли в Вологодскую область, в республику Коми, в Карелию, в Сибирь и на шахты Казахстана.

С усугублением разрухи на Бузулуке и в стране в целом война с «саботажниками», «вредителями», «скрытыми кулаками» и «белогвардейцами» только ожесточалась. После вполне ожидаемого провала хлебозаготовок в 1932 году власти создали специальные бригады по заготовкам, читай – конфискации хлеба у населения. Рейды этих бригад по хуторам и станицам превращались в настоящие карательные экспедиции...

7 августа 1932 года ЦИК и Совнарком приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности». В народе это постановление осталось недоброй памяти «законом о колосках». Теперь пара картофелин или репа с колхозного поля могли стоить расстрела с конфискацией либо лагерного срока не менее 10 лет. Амнистия к расхитителям не применялась. К слову, «закон о колосках» применяли очень активно. Уже к 8 декабря, т.е. за четыре месяца, по районам Нижнее-Волжского края было арестовано 11451 человек.

Голодные смерти, тотальное бегство из села, страх, вражда, повальное доноительство стали обычным делом для населения некогда вольного, богатого, цветущего края. Местные газеты «Красный Хопёр» и «Голос коммунара» на треть и более заполнялись анонимными заметками, больше похожими на доносы. Авторские подписи под ними: Степной, Возмущённый, Свой колхозник, Проходящий... Да и чего было ожидать от местных газет, коли ответственные редакторы все как на подбор с «казацкими» фамилиями: Файнштейн и Шульц.

Летом 1931 года в район, на хутор Дёминский, приехали ведущие представители творческой интеллигенции страны, поэт Демьян Бедный и писатель Валентин Катаев. Литераторов поразили планы местной власти по переустройству крестьянской жизни на советский лад. Демьян Бедный своё восхищение выразил стихами:

*Давите скорее кулацкую спесь!
Вот, смотрите, мы за год чего наворотили!*

Да уж...

Однако то, чего «наворотили» большевики и что они продолжали «вертеть» с упорством маньяков-самоубийц, очень не нравилось населению. Коллективизация, раскулачивание, расказачивание, высылки постоянно сопровождалась бунтами, массовыми выступлениями, протестами. В голодном 1921 году власти хотели закрыть Свято-Троицкую церковь на хуторе Берёзовском. 50 женщин-казачек закрылись в церкви изнутри и в течение нескольких дней держали оборону. До 200 казаков взяли в руки колья, встали цепью вокруг и дежурили в течение долгого времени, чтобы храм не закрыли.

Случай этот приобрёл широкую огласку ещё и потому, что во время осады свершилось чудо – в церкви сама собой зажглась лампада...

В 1929 году в Нижнее-Волжском крае ОГПУ подавило 10 массовых выступлений. Только в январе 1930 года стихийных протестов и выступлений казаков подавлено 10, в феврале – 19, в марте 112, в апреле – 92...

В марте 1930 года на станции Мураши железной дороги Котлас – Вятка взбунтовался целый эшелон раскулаченных казаков. Их вначале собирались расселить в пределах Коми-Пермяцкого округа, но потом передумали и решили отправлять дальше, в Усть-Вымский район Коми, а это ещё несколько суток пути. К тому времени уже десятки детей, женщин и больных мужчин вымерли в пути. Казаки взяли в осаду здание комендатуры. Конвойная команда и бойцы Лузской комендатуры справиться не смогли и вызвали комендантский отряд из Котласа. Против казаков применили оружие...

Пишут, что в восстании в Мурашах приняли участие 7000 казаков. Не могу ни поверить, ни прокомментировать эту цифру. В голове не укладывается, как можно затолкать в один эшелон семь тысяч человек...

5 апреля 1930 года на станции Луза Северодвинского округа безоружные казаки смяли охрану, вышли из эшелона и разгромили комендатуру. Местный гарнизон подавил бунт. 12 апреля такой же бунт был подавлен в эшелоне №416...

В октябре 1933 года в станице Ново-Аннинской появились листовки-воззвания:

«Товарищи, объединяйтесь! Россия гибнет! Сталин истребляет народ! Товарищи! Что же вы спите?! Ведь вас обманывают! Гибель растёт всё больше и больше. Нужно прекратить её! Нужно бороться, и бороться организованно! У нас нет хлеба! Требуйте! Мы гибнем, голодаем, умираем от голода и все молчим!»

«Товарищи! Мы – тайный комитет, призываем вас на борьбу против сталинских порядков, против насилия и лжи! Россия гибнет! Сталин истребляет народ!»

НКВД переполошился. Была разработана и проведена специальная тайная операция под кодовым наименованием «Ржавчина». В результате кропотливой работы чекисты выявили участников «тайного комитета». Их оказалось четверо, и все... ученицы местной школы второй ступени, девочки-подростки в возрасте 15-16 лет: С.В. Печерская, П.М. Фролова, Мантрова и Рублевская.

3

Черёд семьи Марютиных, по-уличному Троянов, из хутора Рожновского настал во время подготовки третьей волны высылки. Или позже, во время окончательной «зачистки» района от «нежелательного элемента». Точно сказать невозможно. В 1996 году на мой запрос в МВД Коми ответили, что дед и его дочери «высланы из Сталинградской области на основании Ново-Аннинского РИКА от 15.04.1931 г.». В этой же справке из нескольких строк дочь деда записана его женой, а в число высланных в 1931 году четвертой включена дочь Валентина... 1939 года рождения. Понятно, что Валентину выслать никак не могли, она родилась уже в Коми. Разумеется, и доверия к таким справкам нет никакого.

Вот другой, уважаемый, источник – Книга памяти Республики Коми:

Марютин Дмитрий Иванович, родился в 1903 г., проживал: Сталинградская обл., приговорен: в 1930 г., обв. на основании решения особой комиссии о выселении, приговор: выслан;

Марютина Александра Дмитриевна, родилась в 1922 г., проживала: Сталинградская обл., приговорена: в 1930 г., обв. на основании решения особой комиссии о выселении, приговор: выслана...

Так когда же их выслали, в 1930-м или в 1931 году?

В документах Государственного архива Волгоградской области также два толкования на этот счёт. В архивных фондах Ново-Аннинской районной особой комиссии по ликвидации кулацких хозяйств упоминается Дмитрий Иванов Марютин: «когда рас-

кулачен, был ли восстановлен – в 1930, где находится – сосланы...» А вот копия протокола собрания бедноты с повесткой дня из трёх пунктов:

1) Завершение коллективизации с/совета Филоновского.

2) Выявление кулацких хозяйств.

3) Разное.

«...актив бедноты считает кулацкими хозяйствами... б) Марютина Дмитрия... Обсудив на бедняцком собрании и через с/совет, а поэтому с/совету сообщить характеристики на выше поименованных гр-н и проработать на бедняцком собрании. Подписи...»

Из коряво составленного документа видно, что признали Дмитрия Марютина кулаком и ещё только потребовали от сельсовета характеристику на него не в 1930 году и даже не в апреле 1931 года, когда РИК (районный исполнительный комитет) Ново-Аннинского района принял соответствующее постановление о высылке, а позже – 24 июля 1931 года...

...В октябре 2009 года в Краснодаре прошла 6-я Всероссийская научная конференция историков и краеведов, на которой выступил с докладом краевед из станицы Роговская на Кубани Ф. Тараненко. Многие годы он посвятил работе в архивах, библиотеках, поездкам и встречам со станичниками. И зачастую архивная работа приводила к разочарованиям. Он говорил с трибуны:

«Архивный фонд Хопёрского окружного комитета ВКП(б) выглядит ныне весьма «тощим». Полагаю: раз он был «образцово-показательным», его документы и «чистили» потом в первую очередь. Теперь лишь из местных газет и архивных районных фондов можно установить, как тогда шло раскулачивание...»

Чем больше занимаюсь архивной работой, тем больше готов согласиться с Ф. Тараненко в том, что фонды чистили от документов, касающихся неприглядных для властей страниц истории. Архивисты до сих пор ссылаются на неразобранность документов, на переезды, эвакуацию во время войны и связанные с ней неизбежные потери. Им нужно на что-то сослаться. Но факт остаётся фактом: наше прошлое подвергалось и подвергается государственному «редактированию». Всеми неприятному в нём, чего нельзя уничтожить, румянят щёчки, нимало не заботясь о сохранении исторической правды.

В поисках трагического дня, когда деда Дмитрия с дочерьми изгнали из родного дома, я немного увлёкся. А кто же жил в этом доме? Был ли у Дмитрия отец, жил ли он с ними? Были ли у него братья? Чем владели они во время раскулачивания?

Как сообщили мне из Государственного архива Волгоградской области, имеющиеся на хранении документы на этот счёт и даже упоминания имён они

разыскали. Их очень мало, но делать нечего, на них и стану выстраивать свои суждения.

Неоценимую помощь оказал исследователь из Волгограда Александр, с которым мы познакомились в Интернете. Александр занимается розыском своих казацких корней, а также пишет историю Троицкой церкви в станице Филоновской. Знаю про него только то, что он работает переводчиком. Александр прислал письмо:

«Константин Васильевич, сегодня был в архиве, за 1903 год есть следующая запись: родился октября 22, крещён 26, Димитрий. Родители: казак Иван Архипов Марютин и Екатерина Власова».

(ГАВО, ф. 47, оп. 2, д.26, л.93, 298).

Так я впервые узнал, что моего деда по матери звали Дмитрий Иванович, прадеда Иван Архипович, а прабабушку Екатерина Власовна Марютины. И, следовательно, по дедовской крови я казак. Александр прислал выписки из церковных книг, из которых выходило, что казаков Марютиных на приходе Филоновской церкви было множество. В июне 1900 года казак Трофим Архипов Марютин и Марфа Иванова родили дочь Агрипину. Казак Ефим Яковлевич Марютин с женой Анной произвели на свет Пелагею. Урядник Тимофей Филиппов Марютин с женой Пелагеей родили дочь Матрону.

А вот и о прадеде: 29 января 1901 года казак Иван Архипов Марютин и Екатерина Власова родили дочь Анну... По всему выходит, что это старшая сестра моего деда Дмитрия.

В июне казак Никита Аверкиев Марютин и жена Евдокия родили сына Тимофея. И так далее, и так далее...

Книги Троицкой церкви бесстрастно регистрируют и семейные несчастья. Так, 22 апреля 1914 года «хутора Рожновского казак Гавриил Иванов Марютин» с женой Варварой зарегистрировали дочь Александру и крестили её 27 апреля. А через два месяца она умерла естественной смертью. В том же году умерли естественной смертью и 6-летняя дочь Матрона урядника Георгия Марютина, и 7-месячный сын Семён урядника Ефима Марютина.

Александр прислал список казаков Марютиных, упоминавшихся в церковных описях за 1887, 1900, 1901, 1911, 1912 и 1914 годы. В нём 22 имени. Моя собеседница в Рожновке Мельникова (Поцелуева) вспоминала, что на хуторе были и другие Марютины, однофамильцы.

– Жили они за кладбищем, – рассказывала Евдокия Георгиевна. – Он Антон Иванович. Их не раскулачивали. Просто после войны они делись куда-то...

Из Государственного архива Волгоградской области прислали сведения сразу о пяти Марю-

тиных Иванах Архиповичах, которыми всерьёз занималась Ново-Аннинская районная особая комиссия по ликвидации кулацких хозяйств. Но у одного жену звали Евдокия Фёдоровна, другой жил на хуторе Дурновский, третий с хутора Ситниковского, четвёртый не подходит по возрасту.

Пятый Иван Архипович проживал в 1930 году на хуторе Рожновский, имел возраста 70 лет, семью из двух нетрудоспособных и незавидное хозяйство: «посев 1929/30 г. – (напротив всех культур прочерки), нуждаемость: сох – 5, жердей – 5, кольев – 25, слег – 6, житней – 1, топоров – ..., лопат – ..., пил – ...».

Вот такой бедный кулак мой дед Иван Архипович Марютин. Но ещё недавно таким не был. Вероятнее всего, бедным его сделали за время первой и второй волны раскулачивания. О чём, к слову, не забывали напомнить...

10 февраля 1930 года комиссия по раскулачиванию провела очередное заседание. Рассматривалась ситуация в хуторе Рожновский. Заседание весьма представительное, присутствовали т.т. (*товарищи*. – **Прим. автора**) от Рожновки (*так в документе*. – **Прим. авт.**), от х. Ситникова, от батраков, от коммуны, уполномоченный РИКа, от кресткома (*крестьянский комитет*. – **Прим. авт.**). После обсуждения в постановлении записали (цитирую по документу):

«Хоз. в револ. и после кулацкое при помощи сложных с/хоз. машин закоболял бедноту, все время ждал белых говоря «придут белые перевешаем всех красных» активно срывал хлебо-загот. коллективизацию, срывал зяблеву в спашку за что страховался. Осуждён на 5-ть лет...»

На том же заседании под раздачу комиссии попали и двое его сыновей: Петр Иванович и Иван Иванович. Вот что инкриминировали Петру Ивановичу:

«Кулак, служил судьёй в военно-полевом суду в белой армии 1918-1919 г. был добровольцем белой армии имел конную молот и весь с/хоз инвентарь имел постоянных батраков до время револ...»

Иван Иванович:

«Хоз. до раздела совместно с отцом было кулацкое, а он, как крепко глухой находился в семье пассивным в виду его физической инвалидности и который имеет отдельный акт 1929 г. вошедший в колхоз наравне со всеми гр-нами сын красно ар-ц активн. обществен, как ошибочно попавший в кул-кие хоз. восстановить в правах граж-ва и членом колх».

Поверх текста приписка карандашом: «Исключён как середняк».

24 февраля 1930 года комиссия вернулась к Ивану Ивановичу Марютину снова. Цитирую выводы комиссии из протокола:

«Рассмотрев поименованный список кулацких

хоз. комиссия по ликвидации кулака, как класса, считает в основном правильным взятую линию по раскулачиванию. За исключением нижеследующих отнесённых к кулацким хоз. гр-н: ...2. Марютин Ив. Ив. попавших ошибочно под раскулачивание ввиду неправильных доводов в применении ими наёмного труда (постоянного) что подтвердилось, сопротивлении против Сов. мероприятий, тогда как они наоборот были организаторами колхоза и сторонники мероприятий (*вся фраза, начиная со слова «сопротивления», вычеркнута, вероятно, позже. – Прим. авт.*). Учитывая важность классового чутья к середняку, комиссия решила своевременно исправить грубую ошибку сельсовета и восстанавливает их в правах гр-ва и колхоза и в тоже время просит РИК об утверждении данного постановления от 10/II-30 г. А по утверждению РИКом вернуть их им-во (*имущество. – Прим. авт.*) обратно для чего поставить доклад ещё раз на общем собрании гр-н о ликвидации кулака, как класса, заострив особое внимание на отношении Партии и Сов. Власти к Средняку».

Из всего этого беспорядочного нагромождения слов можно понять случившееся. Абсолютно глухого инвалида, выделившегося ещё в 1929 году из хозяйства отца и имеющего на этот счёт документ, с сыном, который служит в Красной армии, да к тому же ещё не просто колхозный активист, но организатор этого самого колхоза и участник всех его мероприятий, раскулачили за милую душу. После этого на самых разных заседаниях уговаривают друг друга «исправить грубую ошибку».

Читаю «акт отчуждения имущества у Марютина Ив. Ивановича хут. Рожновский» и почему-то не верю в благополучный для него исход дела. Ничего-то ему не вернут. Ещё и потому, что всё имущество давно разворовано, растащено и сломано равнодушными руками бедняков-колхозников.

*«Дом 3-х комнат – 1 – 500 р.
надворная постройка – 1 – 100 р.
быков – 2 – 200 р.
курей – 8 – 4 р.
корова – 1 – 85 р.
телят – 1 – 15 р.
овец, коз – 6 – 60 р.
поросят – 2 – 14 р.
лошадей – 1 – 150 р.
жеребёнок – 1 – 50 р.
солома – 600 – 18 р.
сено луговое – 30 – 16 р.
(непонятно) – 1 – 50 р.
плуг – 1 – 15 р.
борона железная – 1 – 8 р.*

*конская упряжь – 1 – 10 р.
сани – 1 – 50 р.
тулуп – 1 – 5 р.
козлят – 2 – 5 р.
сундуков – 2 – 12 р.
.... кроватная – 1 – 20 р.
подушка головная – 1 – 15 р.
..... – 2 – 5 р.
зеркало – 1 – 3 р.
стол – 1 – 3 р.
конопли – 10 – 1 р...»
Акт венчают шесть подписей.*

Вот что отобрали у его отца Ивана Архиповича Марютина:

*сундук – 1 – 10 р.
доска вершковая – 1 – 1 р.
сосновые брёвна – 8 – 4 р.
два полозка – 2 – 2 р.
деревянная лопата – 1 – 50 коп.
столярный верстак – 1 – 2 р.
ведро – 1 – 50 коп.
(непонятно) – 5 – 10 р.
хлебный спуск – 1 – 7 р.*

Получается, что никакого своего жилья у моего прадеда не было. Иначе первым делом отобрали бы. Не было ни скота, ни курей с козами. Сундук да верстак с лопатой.

Хозяйства у него не было совсем, что нереально в тех условиях: чем же ему с Екатериной Власовой было жить? И другое: никакого акта отчуждения имущества третьего сына, Дмитрия Марютина, которому в 1930 году исполнилось 27 лет и который имел семью и троих дочерей, в архиве не имеется. Нет такого акта и на имущество белогвардейца Петра.

Из всего этого можно сделать единственный вывод, что жили Марютины-Трояны в одном доме, причём все – и глава семейства, и сыновья с внуками, один из которых красноармеец и активист, включая Петра, добровольца Белой армии, что подтверждала старожил Рожновки Евдокия Георгиевна. И третьему сыну, моему будущему деду Дмитрию, с его девичьим выводком места в дедовском доме вполне хватало.

Вероятнее всего, хозяйство своё Иван Архипович переписал на глухого сына Ивана с внуком-красноармейцем, наивно рассчитывая таким образом выжить, сохраниться. Но как мы знаем, из родового дома их, в конце концов, выгнали на Север, в Коми, чтобы организовать в нём клуб для рассказывания лекций беднякам о мировой революции и пеня частушек.

Так завершилась в хуторе Рожновском история старинной казачьей семьи Марютиных. Где оказались потомки Петра Ивановича? Как сложились судьбы детей и внуков «крепко глухого» Ивана Ивановича? Вот бы нашлись нечаянно! Вот была бы радость!

До самой смерти хранила мама свою фотографию осени 1945 года, подписанную «на вечную память брату Алёше» и почему-то неотправленную. Где жил он, неведомый брат Алёша? Чьим сыном был: Петра, Ивана или, может быть, Анны? В каких краях живут сегодня его внуки и правнуки?

Я этого не знаю. Я не знаю даже имени жены Дмитрия Ивановича, моей бабушки. Что с ней стало, почему её не оказалось с семьёй, среди высланных в Коми? Моя младшая сестра Людмила вспоминает, как мама однажды к какому-то случаю заговорила о своей матери и будто бы назвала её Варварой. У неё, мол, были роскошные волосы. Умерла она в 26 лет от голода. А перед этим в отчаянии отрезала косы и сказала: «Вот, мне больше нечего вам оставить...»

Мой путь лежит вслед за семьёй Дмитрия Ивановича на Север. Моей маме Александре исполнилось восемь или девять лет. В таком возрасте на казачьих хуторах девочек детьми уже не считали. В доме и на дворе они умели почти всё.

4

Мой добрый знакомый Александр из Волгограда прислал однажды запись рассказа своей бабушки Веры Григорьевны Скороходовой о том, как раскулачивали их семью, как везли на Север со станции Филоново и как потом они с поселенцами в Коми убежали и скитались по стране – без денег, документов и еды. К высылке в 1929 году ей исполнилось 17 лет, и она всё помнит, как будто это случилось вчера. Страшный рассказ...

«...Кого высылали? Кто там был? Да казаки – себряковские, да наши, филоновские... Привезли на конечную станцию, полный состав в скотинных вагонах. Потом по реке. Всего там полная баржа... большая баржа. Посёлок, где нас привезли и в лес бросили, был возле малой реки. Никакого населения там не было. От самой ближайшей деревни 60 километров было... А деревня была Пожегель. А их посёлок на большой реке, куда дед Егор убёг, а потом и нас забрали, называлась Божий Дор, на коми языке «край чего-то...»

Посёлок, о котором вспоминала старая казачка, называется Божьюдор, с коми это «возле реки Божь». Он был создан для высланных кулаков и членов их семей вблизи предстоящего места ра-

боты, иначе говоря – в лесу. Из Ново-Аннинского района сюда сослали 218 казачьих семей, общей численностью 1200 человек. К 1933 году сосланных насчитывалось здесь уже более 1300 человек, из которых 286 дети.

Осмотревшись на месте, казаки организовали сельхозартель, в которой имели 11 лошадей и 22 коровы, построили школу. Но сельхозартель – это для прокормления, не главное, это, как говорится, в свободное время. Весь световой день, без выходных и праздников, они валили в делянках лес, выкатывали на берег и сплавляли. Условия жизни и труда в Божьюдоре оказались таковы, что только в 1933 году отсюда совершили 11 побегов, а к 1934 году в живых осталось 557 человек...

Музейщики и правозащитники Коми создали карту распределения спецпосёлков и лагерей по территории республики. Каждому дали краткую характеристику (<http://museumtur.ru/gylag/>). На территории девяти районов они насчитали 41 спецпосёлок с численностью от 500-600 до 2000 высланных и 17 лагерей с количеством заключённых от 600 до 24000 и более. Но почему-то на карте не указано расселение кулаков на территории Сыктывдинского района. Он был создан в 1929 году с центром в селе Вильгорт, как и Палевицкий леспромхоз.

К середине 30-х годов многочисленные посёлки вдоль большой Вычегды и его притоков Пожег, Лэпью и других: Шыладор, Кэчюйяг, Савель, База, Позелом, Слудка, Прокопьевка были густо заселены высланными крестьянами из центрально-чернозёмных областей России и поволжскими немцами. После войны сюда отправляли и «власовцев», бывших красноармейцев и офицеров 2-й Ударной армии, которую генерал А. А. Власов принял 15 апреля 1942 года запертой в болотах и обречённой на гибель и прокомандовал до 12 июля, пожизненно запятнав позором предательства.

В Сыктывдинский район отправили казаков, «зачищенных» в Ново-Аннинском районе, вероятно, уже после третьей волны массовой высылки, то есть в 1931 и до 1934 года. Здесь родился и я сам. Свидетельство о моём рождении на двух языках – русском и коми, выдали в нынешней Прокопьевке, что между Слудкой и Шыладором, в верховьях реки Пожег. В то время село носило название Проньдор.

...В начале 2000-х годов в составе карельской делегации я принимал участие в Международном конгрессе финно-угорских народов в Хельсинки. Вечером к нашему столу подсели делегаты из Коми Республики. Познакомились, разговорились: кто, откуда... Моим соседом оказался Павел Николаевич Доронин, сельский участковый доктор из Сыктывдинского района.

– Вы мой земляк, я тоже из Сыктывдинского района. Жил там, – говорю в шутку. – Правда, недолго, всего 15 дней: 21 сентября родился, 6 октября меня зарегистрировали, а 8 октября увезли в Карелию.

– Не может быть, – не поверил доктор Доронин. – Я из Слудки и каждого там знаю на несколько десятков километров в округе!

Пришлось показать паспорт...

Позже Павел Николаевич провёл в районе целую экспедицию и прислал письмо:

«...На территории сельсовета были лесоучастки Савель, База, Позелом, Пыжим – с посёлками до 500 человек. Теперь там пустырь. В д. Шыладор Доронина Агния Николаевна, 1920 г.р., вспомнила, что в с. Савель была фамилия Гнетнева... Но в с. Слудка проживает Осипова Раиса Прокофьевна, 1923 г.р., дочка сосланных. Она со своими родителями проживала до войны в одном доме с вашим дедом, Мариютиным Дмитрием Ивановичем, хорошо его помнит. На фронт ваш дед и её отец ушли и воевали вместе, в одном подразделении. Дмитрий Иванович сообщил письмом о гибели её отца...»

Масштабы трагедии, которую пережило российское крестьянство и весь народ, до сих пор ужасают. Ведь лагерями и спецпосёлками тогдашние власти покрыли берега рек не только в Коми. В Карелии таких посёлков было 21, с населением 28083 человека (на 1939 г.). Если посчитать вместе с заключёнными лагерей (83810 человек), то получается, что каждый четвёртый житель республики в канун войны был из репрессированных.

Но такие же спецпосёлки и лагеря были вдоль рек Мезени и Северной Двины в Архангельской и Вологодской областях (губернии), Мурманской области, Мордовии, Казахстане и по всей матушке-России. И не хочешь, а поверишь в легенду, которая гуляет по страницам печати, что в ответ на вопрос Черчилля о цене коллективизации Сталин показал десять пальцев, имея в виду 10 миллионов человек. А В.М.Молотов в преклонном возрасте якобы признавался поэту Чуеву: «Я сам лично размечал районы выселения кулаков... Сталин говорил, что мы выселили 10 миллионов. На самом деле мы выселили 20 миллионов».

Между прочим, Молотов о ситуации был хорошо осведомлён. Так ему казалось. 15 апреля 1930 года секретарь Северного краевого комитета ВКП(б) Бергавинов адресовал ему письмо, в котором рапортовал об успешном «освоении» спецпереселенцев:

«Посылаю Вам снимки наших бараков, которые мы выстроили за 35 дней свыше 1000, вместимость до 75 тыс. семей, стоимость барака обошлась 3 руб. на человека...»

Бергавинов с огорчением сообщал, что из плани-

ровавшихся 12 тысяч семей раскулаченных они смогли направить в Коми только 9 тысяч.

...Читаешь эти реляции одну за другой и видишь тотальную, всеобъемлющую ложь, которой пронизана вся структура власти от низа до верха. Беззастенчиво врут все – от самого маленького начальника до самого большого. Врут друг другу, врут стране, врут миру. Маленький факт. 13 октября 1931 года уполномоченный полномочного представителя ОГПУ по Северному краю с какого-то перепугу sunulся проверить отчёт треста «Комилес» (отчёт подан ещё и районным уполномоченным ОГПУ), как здорово подготовились к приёму спецпереселенцев в посёлке Сапыч Сыктывдинского района Коми, где построили аж 57 индивидуальных домов.

Большой НКВДэшный начальник выехал в Сапыч, проверил и... не обнаружил ни одного дома. А что же обнаружил? «...имеются только шалаши жердёвые, землянки и хвойные шалаши, в которых в настоящее время живут переселенцы».

И что? А ничего.

Печально, но ни одному документу, ни одной цифре верить нельзя. Их невозможно проверить, поскольку в разных источниках данные противоречат друг другу. Так бывает только в одном случае – документы сознательно искажены.

Такой же противоречивой была и сама политика в отношении раскулаченных. Иногда это принимало карикатурный характер. К примеру, осенью 1937 года на просторах страны начали активную подготовку к выборам в Верховный Совет СССР. Партийные органы приняли беспрецедентное решение – бывших кулаков разрешили именовать «товарищами». Просто счастье какое-то! Их ведь нужно как-то убеждать в верности избранного курса партии и лично товарища Сталина. А в конце того же 1937 года областной отдел народного образования Коми доложил, что снял с педагогической работы 31 учителя по причине связи... с врагами народа, то есть с теми же «товарищами». Любопытно, какая связь имела в виду? С кулацкими детьми? Учитель по определению не может не иметь связи с теми, кого учит.

Уже война подходила к концу, 1945 год на дворе, давно принята и действует самая демократичная «сталинская» Конституция, уже и «человек шагает, как хозяин необъятной родины своей», а СНК СССР ещё думает, что же делать с «товарищами». В январе приняли постановление, по которому высланные объявлялись совсем свободными, но... Они не могли самостоятельно выбирать место работы, выезжать за пределы своих поселений, обязаны были извещать надзирающие за ними коменданты о любых изменениях в семье. За любоеслушание «товарищей» ждал немедленный арест...

Да что там 1945 год, если только еще 1 июля 1947 года замминистра МВД СССР письмом просил Коми обком ВКП(б) ходатайствовать перед Советом Министров СССР о снятии режимных ограничений со спецпереселенцев. К этой дате в Коми на лесоповале ещё трудились 9741 бывших кулаков.

Власть можно было понять. Ограничения снять нетрудно. А кто в лесу-то работать станет? За гроши. Не прося приличных, по обычным человеческим меркам, социально-бытовых условий. Без медицинского обслуживания. Не потому, что не нужно, а потому, что просить не имеешь права. Ты – враг, и относиться к тебе нужно как к врагу.

В 1936 году председатель Коми облисполкома А.П.Липин выступил на заседании президиума ВЦИК РСФСР с пафосной речью о том, чего властям удалось добиться за 15 лет существования Коми автономии. Липин с гордостью сообщил, что объём лесозаготовок в республике за это время увеличился... в 60 раз! Правда, не добавил, что лес валили 30 тыс. заключённых лагерей, почти 30 тыс. бывших кулаков и 10 тыс. иных ссыльных. При том, что населения в республике насчитывалось всего 272 тыс. человек, включая стариков, женщин и детей.

Так кто же добровольно откажется от рабского труда?

Где-то там, в Вильгортке или Слудке, жила с сёстрами моя будущая мама Александра Марютина. Теперь её социальный статус поменялся. Из казачьей дочери она стала, в зависимости от ситуации, то «кулацким выкормышем», то «дочкой высланных», либо просто «из сосланных». Чем занималась она, пока отец валил лес? Где училась? Как жила?

Мама прожила в Коми 15 или 16 лет. В память о той поре у неё остались пять фотографий. Две датированы 1945 годом, на двух других её отец Дмитрий Иванович Марютин. Вот он в рабочей одежде и валенках (зима), на лавочке возле тёмной стены, с женой Ефросиньей Александровной Гринёвой. У жены на руках грудная дочь Валентина. Вероятно, это 1939 или 1940 год. На другом снимке, видимо более раннем, Дмитрий Иванович снят с группой товарищей: четыре молодые женщины и трое мужчин. У одного из мужчин в руках балалайка. Снимок исполнен традиционно – так снимали и на Беломорканале: бревенчатая, проконопаченная мхом стена покрыта задником – покрывалом или одеялом, и на его фоне обычные человеческие лица молодых людей. Правда, ни на одном из лиц нет и грана радости или даже привычной вымученной улыбки. Хотя и балалайку взяли, и старались, но вот не получилось как-то...

Где выполнена съёмка, когда и кто на фото, мне неизвестно. Но я смотрю на простые лица этих лю-

дей, и для меня все они до сих пор живы. И будут живы, пока жив я сам.

В начале 2018 года по моему запросу сотрудники Национального архива Республики Коми попытались найти хоть какую-нибудь информацию о моей маме. Марина Евгеньевна Помылёва сумела отыскать единственное упоминание среди воспитанников детского дома в селе Ниашор Сысольского района. В списке от 8 апреля 1939 года значится Марютина Александра Дмитриевна, возраст 14 лет, время поступления в детдом – 10.01. 1937 г. В графе «имеются ли родители, братья и сёстры и где» указан Усть-Вымский район. С ней в детдоме оказалась и младшая сестра Таисия, которая жительство родителей указала точно: деревня Коквицы.

К моменту составления списка (8 апреля 1939 года) маме двух недель не хватало до 17 лет (день рождения 23 апреля). Следовательно, она ещё жила в детдоме.

В селе Ниашор в 30-е годы прошлого века было одно из самых крупных поселений высланных крестьян. И погибло их здесь очень много. Стараниями людей неравнодушных на месте захоронения ссыльных в Ниашоре в 2004 году был открыт памятник. Вероятно, сегодня это единственный памятник бывшим кулакам на всём Русском Севере. Хотя растоптанные, гонимые, оболганные большевистскими пропагандистами в литературе и кино, они заслужили перед Отечеством лучшей памяти.

И деревня Коквицы, растянувшаяся вдоль Вычегды на добрый километр, до сих пор жива. Правда, обитает там сегодня едва полсотни жителей.

Сюжет требует рассказа о детском доме, где провели годы моя мама и её сёстры. Но я не стану этого делать. Иначе пришлось бы снова писать про разруху, голод, нищету и ужас, которые там творились. К 1931 году в Коми было всего шесть детских домов. В 1934 году их стало 27. Со всеми вытекающими из этого увеличения последствиями хронической нищеты. Желаящих узнать подробности отсылаю к статье доктора исторических наук, доцента Сыктывкарского университета Галины Доброноженко, которую она опубликовала в соавторстве с магистрантом Екатериной Лунгор. Статья называется «Детский дом в первой половине 1930-х годов: проблемы быта (на материалах Коми области)», и её можно найти в Интернете.

А для меня так и остаётся загадкой удивительная для воспитанницы сельского детдома 30-х годов грамотность моей мамы, её великолепный почерк, страсть к чтению и уровень знаний. И в качестве кого она работала потом в Сыктывдинском леспромхозе,

на лесопунктах в Шыладоре и Кочееяге, до войны, в войну и после, до осени 1947 года, я также не знаю.

Моя сестра Людмила Васильевна Парухина (Гнетнева) вспоминает:

– Мама мне рассказывала, будто после окончания 7 классов она училась в педагогическом училище или учительском институте. Не помню, окончила она его или нет, кажется, окончила. Но на работу её отправили в леспромхоз кем-то типа кассира или бухгалтера. Из-за нехватки людей, способных выполнять такую работу, грамотных. Ну и, возможно, по причине происхождения в школу не послали. Не знаю точно, можно только гадать. И Володе она об этом как-то раз проговорила. В её рассказе я чувствовала сожаление, что всё сложилось именно так...

В 1946 году Коми автономия праздновала 25-летний юбилей. Тиражом в 6000 экземпляров отпечатали ритуальное обращение к великому вождю и учителю тов. Сталину. Привожу его здесь полностью. Этот документ наглядно демонстрирует общественно-политическую атмосферу, в которой жили мои родители вместе со всей страной, её безграничное лицемерие и откровенный цинизм.

«Под покровом непроходимых лесов, болот и вечной мерзлоты богатейшие кладовые природы веками ждали бесстрашных, с волею крепче стали, людей. Настойчивость и упорный труд советских людей победили недоступные ранее для человека недра далёкого Севера. Волею партии и правительства по Вашему указанию, Иосиф Виссарионович, на Ухту, Усу, Чибью, Инте и Воркуту – через бескрайнюю тайгу, топкие болота, глухими тропами и по быстрым порожистым рекам пришли посланцы большевиков – строители нового северного индустриального района. Навсегда нарушена вековая тишина девственных печёрских лесов и безлюдной тундры Заполярья. Чем дальше на Север, тем сильнее бьётся пульс преобразовательной деятельности советского человека».

Не правда ли, сильно сказано: «бесстрашные, с волею крепче стали» и «посланцы большевиков...».

Гениальным поэтическим предвидением Фёдор Иванович Тютчев предугадал судьбу российской женщины на полтора века вперёд. Меня не покидает чувство, что стихотворение «Русской женщине» он написал о моей маме:

*Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...*

*И жизнь твоя пройдёт незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, –
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...*

1850 г.

5

Мне интересно, что чувствовала мама, приехав в конце октября – в ноябре 1947 года в Карелию, на 17-й шлюз Беломорско-Балтийского канала. Показалось ли ей здесь хуже, чем в Коми? Я долго думал над этим и решил, что хуже, но теперь считаю, что ошибался. Что увидела она здесь? Два больших, умело построенных по специальному проекту из бревна двухэтажных дома с тёплыми квартирами. Между ними в ряд одноэтажный просторный дом для начальника. Тут же здание гарнизонной команды 155-го полка НКВД с большой спортивной площадкой на задах. В отдалении аккуратные постройки для скота. Всё компактно, всё удобно и всё рядом.

Чуть в отдалении начиналась территория заброшенного лагеря: бараки, конюшня, дороги, останки большого тепличного хозяйства с гнилыми рамами и кучами битого стекла, возделанные поля. Больше десяти лет назад заключённых перевели куда-то, а лагерные постройки продолжали догнивать, обеспечивая дровами печи работников шлюза.

Что из этого могло её огорчить или удивить? Ничего. И не на такое нагляделась за полтора десятка лет скитаний по спецпосёлкам. Солдаты с петлицами НКВД? Тоже очень знакомо. Но теперь они охраняли не её, а гидросооружения шлюза.

Мне кажется, маме на канале понравилось ещё и потому, что оборвалась наконец невидимая нить поднадзорности, истаяло ощущение несвободы, которые не могут не тяготить нормального человека. А ведь враждебность и ощущение себя чужой вязали её с детства. И не чувствовать их было нельзя.

Но и самое главное – работа не на лесопункте, в лесу, на делянке, а в двух минутах от крыльца. И стабильная зарплата, пусть небольшая, но вовремя. Здесь можно было строить семью. Огороды, грядки, скотина, лес, рыбалка не дадут умереть с голоду и большой семье, если, конечно, умеешь и любишь работать. А уж это она умела.

Вместе с мамой на Беломорканал переехали из Коми и её младшие сёстры Таисия и Анна. Таисия стала работать на соседнем 16-м шлюзе, там и жила, а Анна, которую они звали Нюркой, оказалась в Повенце, обзавелась семьёй и трудилась,

как говорили на канале, в плавсоставе. Вместе с мужем и детьми она ходила в рейсы по каналу на самоходной барже-песочнице. Я помню их весёлые приветствия с борта, когда в конце 50-х по несколько раз за лето они проходили шлюз мимо нашего дома вниз к Белому морю и возвращались к Повенцу. Счастливая семья!

Справедливости ради следует сказать, что тяжёлое детдомовское детство, вероятно, сыграло свою печальную роль на формировании судеб младших сестёр. Ни у Таисии, ни у Анны жизнь так и не задалась.

Судя по некоторым данным, вместе с мамой на канал из Коми переехала и самая младшая её сестра Валентина, родившаяся в 1939 году в ссылке от Дмитрия Ивановича и его новой жены Гринёвой Ефросиньи Александровны. Жена была на 12 лет моложе и сохранила свою девичью фамилию. Были ли они в браке, жили ли совместно, не оформляя отношений, неведомо. Как и то, что стало с Ефросиньей Александровной, когда в селе Слудка она получила извещение, что красноармеец Марютин Д.И. пропал без вести на Волховском фронте. Как бы там ни было, но, по словам матери, Валентина была с ними и умерла от обычной скарлатины. Похоронена она на кладбище близ деревни Выгостров.

Работа на канале круглосуточная, по сменам. И вовсе не факт, что смены мужа и жены совпадают. Если к тому же семья, дети, хозяйство – значит, спать когда придётся, есть когда удастся...

Жизнь в маленьком посёлке не такая лёгкая, как могло показаться вначале. Бывшие лагерные поля и сенокосы занял местный совхоз, и заготавливать сено для скота жителей посёлка негде. В посёлке живут в среднем полтора десятка семей, почти у каждой корова, с телятами получается приличное стадо, которое пасут по очереди, зачастую подростки. Каждый год в середине июля атмосфера накаляется: делят сенокосные участки. А «участки» – смешно сказать, бывает по три-четыре метра площадью. Чтобы обеспечить скот сеном на зиму, взрослые вырубали по окраинам полей полянки в лесу, расчищали от кустарника и деревьев – заводили собственные сенокосные угодья. У нас были два таких лесных участка, расчищенные главным образом мамой, – один назывался «за теплицей», второй «дорога». Бывало, совхозная бригадирша, будучи в скверном настроении, отбирала накошенное на этих полянках сено. И жаловаться было некому.

В хрущёвскую пору война с личными подсобными хозяйствами велась не на жизнь, а на смерть. Известны тотальные налоги, которыми обкладывали владельцев скота. Налоги платили даже с плодовых деревьев, то есть со всего, чем крестья-

нин мог прокормиться от земли. Часть сельхозпродукции государство просто забирало, как в царские времена помещик собирал оброк со своих крепостных крестьян.

Отцу, получившему на фронте два ранения и фактически не имевшему правой руки, ещё во время войны после излечения в госпитале дали вторую группу инвалидности. В хрущёвскую пору пенсию по инвалидности вначале сократили, а потом и вовсе платить перестали. Сделано это было только потому, что он имел собственное хозяйство и «уплачивал сельхозналог».

Не меньшая проблема с дровами, которых взять негде. Дрова можно только выловить в воде, вытащить на берег, просушить и только потом разделить. Весь берег в кучках сохнувших обломков досок, брёвен, коряг с канальского дна, которые женщины собирали баграми во время рабочих смен.

Нужно сказать здесь, что шлюзовые посёлки на Беломорканале населяли в ту пору люди, по большей части немало пережившие, или, как говорят, битые. Они цепко держались за жизнь и уступать то, что считали своим, вовсе настроены не были. Ещё со времён строительства оставались заключённые со снятыми судимостями. Много было кулаков и детей кулаков. Столько же, если не больше, вербованных в начале 50-х, так называемых калужан – крестьян из сёл и деревень Калужской области, пострадавших от немцев во время оккупации в Великую Отечественную войну. Власть определили Беломорканалу для вербовки рабочих кадров Калужскую область. Вербовать ездил известный всем на канале лёгкий и весёлый человек кадровик Яков Воробьёв.

Все они были мечеными. Власть об их прошлом забывать не собиралась. Канальское начальство регулярно докладывало куда надо о пропорции, которая складывалась в коллективах между «благонадежными» и «неблагонадежными». Эта пропорция сохранялась примерно на уровне 50 на 50.

Справедливости ради следует отметить здесь, что и праздновать они умели. Примерно до 70-х годов прошлого века на 17-м шлюзе большие праздники принято было отмечать сообща. Выносили столы, составляли в один ряд в центре посёлка и веселились от души. Так, всем посёлком в 1966 году проводили на службу в армию и меня. Не нюхавшего алкоголя, меня так «напровожали», что и спустя два-три года после службы мой организм не принимал спиртного на дух, защищаясь от него непроизвольными спазмами горла.

...Поймал себя на том, что пишу про жителей шлюза – «их». Но ведь это и про меня самого. Я прожил в посёлке на канале первые 25 лет своей жизни.

Вспоминая о далёких теперь годах, совсем не

простых для моих родителей, не могу припомнить ни одного конфликта, в котором оказалась бы участницей моя мама. Отец – да, он мог расставить точки над *i* одной или двумя фразами. Мама говорила иногда с досадой, что отец мог обругать так, что «лучше бы ударил».

Отец был нрава крутого, если надо – жёсткого, его слов и поступков в посёлке боялись. Она же со всеми была равна, неконфликтна, легко уступала в мелочах, избегая ссор. Странно, но при таком характере у неё не было близких подруг, как это бывает у женщин, с которыми бы она могла часами перемалывать кости. Почему, не знаю. Но мне кажется, для неё просто не нашлось ровни – по пережитому, по тому, что она видела к своим годам и знала, и что не могла никому поведать и таила от всех глубоко внутри. Мне думается сейчас, что мама всегда была по-женски одинокой и жила своей внутренней, наглухо закрытой от других жизнью. Может, такое бывает со всеми женщинами к старости?

Вспоминает Л. В. Парухина (Гнетнева):

– Одно из ключевых качеств, которые приходят на ум, когда вспоминаешь маму, – это огромное терпение. Это вообще такое качество, свойственное многим нашим людям, исторически сложившееся, так сказать. Но у мамы оно было развито просто сверх всяких норм.

Еще любознательность, наблюдательность, умение удивляться и радоваться миру даже в самых сложных обстоятельствах. Она подмечала всякие изменения в природе, отмечала их в календаре. Переживала, к примеру, за скворцов, поселившихся у дома, когда воробьи занимали их жилье, любила цветы и всякую зелень. Очень любила читать, слушать по радио разные постановки, а с появлением телевизора – смотреть телеспектакли, в основном классику. Очень любила балет, помню, как она его смотрела между разными делами.

Она не была консерватором, любила новые вещи. Ей очень нравились красивые вещи, посуда, например. Но в силу жизненных обстоятельств, постоянной нехватки средств она никогда не могла себе позволить ничего лишнего. А ведь по-женски ей этого очень хотелось. Помню такой случай. С возрастом стало ухудшаться состояние волос, а они у неё всегда были очень густыми, и она очень переживала. И вот однажды пошла в парикмахерскую, подрезала их и сделала так называемую «химию». Помню, в каком возбужденном состоянии она тогда пребывала, ведь для нее это было целое событие – поход в парикмахерскую...

Специфические особенности закрытой поселковой жизни не помешали родителям с переездом на канал строить семью. Через пять лет после меня появился сын Володя, ещё через год Валерий, ещё через три Виктор. Уже в сорок лет она родила единственную и долгожданную дочь Людмилу. И все эти годы, когда оказывалась возможность, работала. А работать ей приходилось столько, что страшно представить. Я до сих пор не понимаю, каким образом ей, пока мы, сыновья, хотя бы чуть-чуть не окрепли, удавалось справляться со скотом, сенокосами, огородами и остальным хозяйством. Ведь у отца правая рука без локтевого сустава, срезанного осколком снаряда, висела на коже и сухожилиях. Физически в тяжёлой работе помочь он просто не мог. С 1953 года, уже имея троих детей, мама приняла поселковый магазин и трудилась в нём до середины 60-х.

С этим магазинчиком на окраине шлюзового посёлка связано немало детских воспоминаний. Чужие сюда не ходили – охрана, а свои от аванса до полочки чаще всего бедствовали. В такие периоды поселковые жители в полной мере зависели от доброты продавца. Он мог отпустить товар в долг, «под тетрадку», мог и не отпустить. Мама отпускала. Мало того, брала ключи и открывала магазин и поздно вечером, и рано утром, и в будни, и в праздничные выходные дни. Когда попросят...

На прилавке у неё всегда лежала большая тетрадь в зелёном твёрдом переплёте, куда она вписывала, кому и сколько давала продуктов в долг. Эта тетрадь сейчас передо мной. На обложке имя «Софья Сигизмундовна» – это, вероятно, главный бухгалтер отдела рабочего снабжения, которому принадлежал магазин №8 на 17-м шлюзе. Она была главным начальником матери в ту пору, и мама Софью Сигизмундовну очень уважала. Контра ОРС находилась на шлюзе №19.

Теперь надписи: «Петя Ан. – 4.38, 2.36» «Яковлев – 3.26; 22 к.» «Белый Миша – 150», «Чехон. – 3.16», «Резин. – 2б.», «Оля Ворон. – 1.52...» И так далее. Когда долг погашали, надпись зачёркивалась...

По существовавшим в ОРСе правилам выручку из магазинной кассы мама должна была отправлять почтовым переводом ежедневно. Сама она отлучиться из дому не могла. Каждый вечер вручала мне завёрнутые в пакетик деньги и заполненный бланк перевода. И я шёл с ними на почту в соседнюю деревню Выгостров. Помню её умоляюще: «Только квитанцию не потеряй! Только квитанцию принеси!» А я к тому времени только в школу пошёл.

В 1958 году учиться в четвёртый класс она отправляла меня в Медвежьегорск, на улицу Северную, в семью старшей сестры нашего отца,

Прасковьи Ивановны. Дочь Прасковьи Ивановны, Валентина, работала в крохотной сельской школе посёлка Вичка. Посёлок километрах в трёх от Медгоры. Полевая дорога ведёт через большие распашанные поля над речкой Вичкой. На полях капуста, а в грядках без труда можно было найти множество гильз, патронов и другого брошенного в войну боеприпаса. Бои под Медгорой в 1941 и 1942 годах шли страшные. Иногда из-за этих интересных находок я опаздывал к началу занятий. Мальчишки часто калечили себя, из любопытства разбирая опасное проржавевшее добро.

Моя отправка на учёбу в Медгору была вызвана случаем. Летом Валентина с мужем Павлом (на самом деле его звали Ипполит) приезжали к нам на 17-й в гости и случайно, в разговоре, выяснилось, что я не знаю таблицы умножения.

«Как! – вскинулась Валентина. – Перешёл в четвёртый класс, а таблицы умножения не знает!»

У неё на Вичке была четырёхклассная школа, где она была одновременно директором и единственным учителем. И в тот год в четвёртом «выпускном» числилось только два ученика. Так я оказался третьим.

В конце лета 1958 года мама купила мне новенькую кепку, которых я до того сроду не носил, собрала сумку и немного проводила по дороге в Беломорск. Ей нужно было возвращаться на шлюз и заступать на смену. В первый раз на моей памяти она меня поцеловала и велела идти на вокзал, ехать на поезде до Медгоры и там найти домик Прасковьи Ивановны. Так я и сделал. До вокзала в Беломорске мне оставалось пройти километров шесть-семь, потом пять часов на поезде, а там – неизвестно. Но я уже был большой, почти одиннадцать лет. Что переживала она, отправляя меня одного в первый раз в такую дорогу, даже представить себе невозможно...

Валентина по натуре резкая, временами жёсткая, человек, как говорят про таких, без полутонов. За год она так меня выдрессировала, что я запоминал пройденный материал ещё на уроке и на завтра мог повторить услышанное вчера слово в слово. После меня школу Валентины Григорьевны Еремейчик, заслуженного учителя Карельской АССР, прошли все мои братья.

После магазина, подняв на ноги очередного ребёнка, мама работала на шлюзе рабочей по судопропуску, и начальником вахты, то есть руководителем дежурной смены. Допуск к работе начальником вахты можно было получить, только сдав квалификационный экзамен. Не помню, чтоб у мамы были с этим затруднения. Вот у отца, который знал на шлюзе всё, как говорится, на ощупь, работал долгое время механиком, на-

чальником вахты и даже исполнял обязанности начальника шлюза, когда 14 ноября 1954 года провалился под лёд и утонул начальник Константин Финожонок, такие затруднения были. Он сам иногда с усмешкой говорил об этом, мол, что вы хотите, если у меня за душой «четыре класса и коридор».

Работать вынуждало хроническое безденежье. Одним из способов хоть как-то поправить финансовые дела было выращивание и сдача государству бычков. Год, а то и больше мама бычка выкармливала, а потом мы вели его на забойный пункт на окраине Беломорска, где дорога на Шижню делала поворот к 19-му шлюзу. Подростком я не раз сопровождал маму в этом всегда печальном для неё походе.

Помню людей на забойном пункте, громогласных, даже агрессивных и, как мне казалось, постоянно нетрезвых. Большая кастрюля с мясом, постоянно кипящая на жаркой плите, неприятный запах. Задача приёмщиков под любыми предлогами занижить вес животных. Видно для того, чтобы не переставала кипеть на плите кастрюля. В ход идут хитрованство с какими-то коэффициентами, повышенные тона. Самый страшный приём в этой борьбе – отказ в приёме животного на забой. В этом случае хозяевам приходилось либо вести его домой и на завтра приводить обратно, что попросту немислимо, – всё-таки добрых пять-шесть километров пешего пути в одну сторону, либо оставлять в загоне при пункте. В любом случае животное изрядно теряло в весе, что приёмщикам было на руку...

Помню эти ужасные для мамы сцены прощания. Вырастила телёнка с младенческого возраста, трижды в день кормила, обихаживала, как ребёнка, и теперь собственными руками на убой... Всю обратную дорогу шла с почерневшим лицом, молчала и, наверное, плакала внутренними слезами.

К слову сказать, в нашей семье плач, как средство обратить внимание окружающих на себя любимого и на свои беды, широко не практиковался. Может, потому, что была она по преимуществу мужская, может, потому, что это не поощрялось ни отцом, ни матерью как дело совершенно непродуктивное. Сохранились записи на листках старого календаря, которые время от времени делала мама: 25 июня, среда. «Сдали Малышка. 309-300 кгх2.16».

2 рубля 16 копеек – цена за 1 килограмм веса, которую назначили за бычка на забойном пункте.

Вот листок другого года. 19 октября, понедельник: «Сдали Яшку, последнего бычка. 447-430, на 928.80. 1 год 3 мес. 11 дн. Род. 8 июня 1980».

Мама любила делать подобные заметки на листках перекидного календаря. Получался своеобраз-

ный дневник, который, к сожалению, она не собирала, и он не сохранился. У меня лишь с десяток таких листочков. Записи, к примеру, такие:

9 июня 1982 года, среда: «8-9 июня. Погода холодная, идёт целый день снег, временами сплошной стеной».

14 июня: «Посадили Федин огород. Шёл град, а к вечеру относительно потеплело»...

Вспоминает Л. В. Парухина (Гнетнева):

– Мама очень привязывалась к животным. Для неё действительно было трагедией сдавать на мясо выкормленных ею бычков. Еще помню, как-то уже в последние годы моей жизни на 17-м шлюзе она пришла с работы, с виноватым и в то же время заговорщицким видом открыла дверь ко мне в комнату и достала из-за пазухи крошечного котенка. Не смогла удержаться, настолько он был крошечный и милый, что решила принять участие в его судьбе. Хотя у нас в то время уже был один кот...

В начале марта 1970 года мы похоронили нашего отца, Василия Ивановича Гнетнева, фронтовика, дважды раненного в Синеявских болотах и подо Мгой. Он сильно мучился в последний год. У отца было сильное сердце и совершенно никудышные лёгкие – следствие многолетнего туберкулёза. Он совершенно измучился и хотел умереть. В забытии он обращался к сердцу: «Отпусти, отпусти...» Отцу не исполнилось и 57 лет.

Сыновья выросли, женились, уезжали из посёлка вить собственные гнёзда. К 1980 году мама осталась в доме вдвоём с дочерью Людмилой. На шлюзе появилась вакансия, её уговорили выйти

на смену. Она согласилась. В последний раз она оформилась на работу 15 декабря 1980 года. А к сентябрю 1982 года стало ясно, что мама остаётся в доме совсем одна. Дочь окончила школу и поступила в Петрозаводский университет. Через полгода переводили из Беломорска в Олонец и меня. А Олонец, как известно, на другом краю Карелии. То мы каждую пятницу собирались у неё в доме все вместе, весёлым табором, с детьми, а тут... В посёлке, что в четырёх километрах, жил с семьёй сын Володя, с ним она работала на шлюзе. Двое других сыновей также жили отдельно, своими семьями.

В начале сентября мама получила от Людмилы письмо. Её, первокурсницу биофака, вместе со всеми отправили в совхоз на картошку. Дочь жаловалась: тяжело, холодно, сыро. Мама жалобы не поддержала и написала в ответ твёрдо: «...надо, дочь, как-то терпеть. Первые дни, конечно, трудно, но потом приспособишься и привыкнешь. Человеческий организм привыкнет постепенно к любым нагрузкам. Всего, всего тебе доброго. Не унывай и будь здорова».

Мама написала письмо 11 сентября. А через две недели, 27-го, прямо на работе упала и мгновенно умерла. Был тёплый день золотой осени. Такая пора хоть и коротка, но всегда особенно красива в нашем маленьком зелёном посёлке. Но жить там одна мама не захотела.

2018 год, июнь

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

– публицист, писатель,

окончил факультет журналистики ЛГУ

и более 30 лет работал в периодических изданиях

Карелии сотрудником и главным редактором.

Лауреат международной литературной премии

Союза писателей России «Полярная звезда»,

победитель Всероссийского литературного конкурса

«Бородино» губернатора Московской области,

лауреат премии Республики Карелия

в области литературы (2008 и 2014 гг.),

премии журнала «Север» и специальной премии Союза

журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;

заслуженный работник культуры Российской Федерации.

